«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

ВОЗДУХ ВЕЧНОСТИ

Мать Марии Ивановны - Екатерина Ефимовна Панкова

Единственная в своем роде

В один из дней лета 1991 на сессии городского совета должен был решаться вопрос о передаче верующим города Шарьи церковного здания- храма святителя и чудотворца Николая. Для того чтобы добиваться положительного решения этого вопроса, по инициативе церковной двадцатки на площади перед горсоветом с раннего утра стал собираться народ. К группе собравшихся подошла пожилая женщина с девочкой лет 12 и обратилась с вопросом к Марии Ивановне Панковой:

– Для чего вы здесь собираетесь, что за сборище у вас такое?

– Сейчас должна начаться сессия, и на этой сессии будет решаться вопрос о возвращении здания музея церковной общине, чтобы здесь в Шарье была восстановлена церковь, бывшая церковь.

– Я из Верхнего Нюрюга. Мне было 13 лет, когда закладывали церковь в Нюрюге; меня мама водила на закладку церкви. Туда съехалось 12 священников. Выкопали яму квадратную с метр глубиной. В яму зашла вода - место там низкое. Притащили пожарную машину и воду откачали. Потом священники долго молились, читали, пели. Поставили сначала один крест посреди этой ямы, потом еще три креста. И затем еще пели-пели-пели… Наконец, яму стали заваливать землей. Вот так закладывали престол Нюрюгской церкви.

По словам Марии Ивановны, церковь строили крестьяне Прудовского, Нюрюгского, Бусыгинского и Матвеевского сельсоветов. В Матвеевском церкви тогда уже не было, и для участия в богослужениях жителям Матвеевского приходилось преодолевать расстояние около 25 километров в один конец.

В каком же году происходила закладка церкви в Верхнем Нюрюге? Мария Ивановна сообщает, что женщине было на вид 75-77 лет. Следовательно,13 лет ей было в 1927-1929. Косвенным подтверждением этого вывода может служить то обстоятельство, что сама Мария Ивановна, родившаяся в 1925 в деревне Старково Прудовского сельсовета, была крещена в Михайловице, т.е. в 1925 году церкви в Нюрюге еще не было. Поэтому с достаточной уверенностью можно утверждать, что церковь в деревне Верхний Нюрюг была заложена и затем построена при Советской власти во времена НЭПа. И это в то самое время, когда церкви по всей стране закрывались и осквернялись! Вряд ли можно найти другой подобный пример в истории православной церкви в России, и маленькая деревянная церковь в Верхнем Нюрюге может быть названа единственной в своем роде.

Церковь просуществовала недолго, не более пяти лет, примерно с 1927 по 1932 год. В 1932 нюрюгский священник о. Александр был впервые арестован, и церковь была закрыта. Приблизительно в 1935 он на короткое время возвратился в Верхний Нюрюг, но в церкви уже не служил и был вновь арестован.

В конце 20-х и в начале 30-х годов Нюрюгская церковь была настоящим духовным центром и оставила свой след в духовной истории Костромского края. Неслучайно, именно с посещения Нюрюгской церкви в 1938 году начал свой путь по родной земле персонаж другой удивительной истории, рассказанной Марией Ивановной Панковой.

Таинственный незнакомец

Шел 1938 год. Осень в том году была теплая. В колхозах шла уборка; все работали на полях. Ребятишки уже приступили к занятиям в школе. Мой старший брат Михаил ходил в школу, а младший еще нет.

Мама пришла с работы; отца дома не было. Он занимался ремонтом печей по всей округе, даже в Пыщуге печи перекладывал. А может быть, в тот день он выполнял гужевую повинность: колхозников нередко то в Шарью, то в Пыщуг с грузами посылали.

Мы с сестрой учились тогда в Николо-Шангской школе.

Уже темнело. Мама зашивала прохудившуюся одежду у стола, а дети сидели за столом, выполняли домашнее задание. Что-то писали или решали. Младший выучился всему у старшего, умел читать и писать еще до поступления в школу.

Окошко было открыто. Изба у нас была низенькая, старая. У соседнего дома вдруг появился старичок небольшого ростика, босиком. Домотканые на нем штанишки, коленки худые. Рубаха домотканая, локти тоже худые. Кепчонка серенькая, ситцевая, не первой свежести. В руке корзиночка лубяная, с полведерка такая. Что-то лежит в ней, может, кусочек хлеба или еще что.

На продольной стене дома окошко было, оно было открыто. Старичок подошел к этому окошку и говорит маме:

– Здорово, землячка!

Она посмотрела на него, но не признала:

– Что за землячка? Какая я вам землячка?

– Да кто вы?

– Ты ведь, меня хорошо знала!

– Нет, я не узнала, кто ты.

– А Ивана-то Белорукова знала ведь ты.

А Иван Белоруков был священником в Шанге. Мама моя из Талицы. Когда она еще девчонкой была, ходила на похороны этого Ивана Белорукова.

Тут он сразу заговорил:

– Шел-то я шестидесятым-то волоком, а кровь-то льется, а кровь-то льется, а трупы-то валятся!

Мама подумала, что он юродивый.

– Нет, я не того. Где пьют да курят, так я в те дома не захожу.

А отец у нас никогда не курил.

Потом, раз он так ответил ей, мама и говорит ему:

– Ты куда идешь?

– А вот меня отпустили на три дня. Так я в Нюрюг-то заходил сейчас, в церковь-то, и теперь мой путь лежит в Михайловицу, в Спасское и Старо-Шангское, в Зубовскую церковь и в свой-то храм зайду в Шанге-то. Из нашего-то храма все ушли - и Богоматерь ушла. Один святитель Николай остался. И святитель Николай-то уйдет, когда в храме сделают тюрьму и баню. А через три года он первый придет в храм-от.

Мама опять подумала, что он не в себе. Раз говорит неладно.

– Ты меня вспомнишь, когда придешь в храм-от и увидишь: на престоле-то навалёно, и стены-то все будут калом обмазаны.

Пошел дождик. Мама и говорит ему:

– Дедушко, иди в избу, а то тебя вымочит.

– Мне нельзя к тебе в избу заходить, иначе тебя увезут. С кем ребятишки-то останутся? Мне идти надо.

Тут прибежал соседский мальчишка. Увидел, что разговаривают с незнакомцем, и прибежал. Тогда ведь за каждым словом везде следили. Мама и говорит:

– Ребята, проводите дедушку тропкой!

Мы жили на берегу лога. По эту сторону лога были огороды. Раньше ведь не тыны были, а огороды только. Сразу за логом две бани стояли соседские одна за другой. От этих бань наискосок к Логовскому на выход к речке тропка была. Речка текла среди огородов и выходила на поле: там мостик был; ездили по нему.

Ребята побежали его провожать, перелезли через огород. Идут, и дедушка идет по тропке с ними. А следующая баня была Швецова Федора. Она стояла подальше: раньше бани близко не ставили, потому что лен в них сушили, и бани часто горели.

Стали подходить к этой бане, и дедушки не стало. Побегали-побегали – в кустах дедушки нет. Там уж кусты выросли: огороды обрезали, земля стала пустовать, пошел лес.

В кустах дедушки нет; в баню зашли – в бане дедушки нет. Прибежали и говорят:

– Мама, дедушко куда-то исчез! Мы стали подходить к бане дяди Федора, и его не стало. И в бане его нет, и на потолке нет. Мы везде лазили и в кустах искали, и нигде дедушки нет.

(Продолжение следует)